

Точка всемирной канализации

Сергей Голубицкий

Глава вторая: американская

Краткая предыстория

Технически американская глава в истории Панамского канала началась с визита Филиппа Бюно-Варийа в Нью-Йорк. Но это только технически. На самом деле Соединенные Штаты давным-давно поглядывали в сторону узкого перешейка. И не только поглядывали, но и ловко отщипывали из-под самого французского носа наиболее лакомые кусочки. Правда, делалось это на приватном уровне: американское правительство с головой погрузилось в насущные проблемы гражданской войны. Тем временем частные компании перехватили у незадачливого Августина Соломона концессию на строительство железной дороги, успешно построили ее и выставили «Международной компании по строительству межокеанического Панамского канала» Фердинанда де Лессепа такие счета за транспортировку строительного оборудования, что бедные французы в панике объявили очередную подписку на облигации — лишь бы перекупить железную дорогу у американцев.

Вторым по важности (после Корнелиуса Герца) фигурантом американской главы в истории Панамского канала, как помнит читатель, был нью-йоркский банкир Джесси Зелигман, который отвечал за формирование инвестиционного пакета «Международной компании» на Диком Западе.

Зелигман, судя по всему, работал в тесной связке с Герцем, а Бюно-Варийа выполнял ответственную роль «нашего портного в Панаме». После бегства Герца в Англию, где он сгорчился от французского правосудия, и аврального свертывания строительных работ Бюно перебрался в Париж и приступил к подготовке многоходовой операции по втягиванию Панамского проекта Дядюшке Сэму.

Итак, в 1901 году Филипп Бюно-Варийа погрузил свое солидное тело бывшего главного инженера, а ныне — ответственного гешефтсмахера, в каюту первого класса трансатлантического лайнера и отбыл в Новый Свет. Плыл Бюно фешенебельно и элегантно: с шампанским и икрой, а по прибытии надолго поселился в номере люкс 1162 отеля Вальдорф-Астория. А почему бы и нет? Все счета Бюно оплачивали то ли Джесси Зелигман, то ли бывшие вкладчики «Международной компании», то ли еще кто-то очень влиятельный — сегодня уже не докапашься. Оно и не важно: главное, что жил Бюно не по средствам, а значит, был человеком несамостоятельным, зависимым от чужих желаний.

Расклады перед битвой

Теперь давайте посмотрим, как выглядела позиция американского правительства в вопросе строительства канала накануне исторического визита Филиппа Бюно-Варийа. Гражданская война закончилась, и Дядюшка Сэм принялся энергично наверстывать упущенное: прогнать Колумбию на предмет отъема у французов концессии на строительство Панамского канала и передачи ее Соединенным Штатам. Но не тут-то было. Ведь «Международная компания» де Лессепа хоть и была французской, однако представляла собой не государственную структуру, а частный капитал — факт, вполне устраивающий Колумбийское государство: с частниками всегда проще договориться, а если понадобится, то можно надавать и по шапке: благо опыт работы с Августином Соломоном у чиновников Боготы имелся. Совсем иное дело — могучий северный сосед! Тут по шапке не надаешь, сами кому хочешь голову открутят. Колумбийцы с ужасом представляли себе перспективу передачи прав на землю Соединенным Штатам: это не только оскорбляло их национальные чувства (какая-никакая, а все

ж империя, растянувшаяся на сотни километров по центральной Америке!), но и просто пугало с экономической точки зрения — владение самым коротким морским путем между Тихим и Атлантическим океанами делало США ключевым игроком на поле, которое Колумбия по праву считала своим собственным. Дошло до того, что в колумбийском парламенте на полном серьезе проигрывался сценарий, при котором Америка пойдет на прямые военные действия против Колумбии и попытается силой отобрать Панамский перешеек.

Короче говоря, несовместимость интересов привела к тому, что США и Колумбия на долгие годы увязли в бесперспективных переговорах вокруг Панамского канала. Колумбийцы не возражали против строительного подряда, но наотрез отказывались предоставлять права на землю. Американцы, ясное дело, в гробу видели строительный подряд на земле, принадлежащей чужому дяде. Полный тупик.

Отчаявшись получить желанное, президент Теодор Рузвельт дал личное распоряжение о поиске альтернативных путей для строительства канала. И такой путь очень скоро был найден: представитель-

ная группа инженеров пришла к выводу, что канал можно успешно прорыть в Никарагуа. Причем не только можно, но и нужно: себестоимость работ с учетом местных климатических и географических условий была на порядок ниже, чем в зоне Панамского перешейка. Почуввав запах денег, одна американская частная компания, не дожидаясь ратификации проекта конгрессом, даже развернула широкий фронт подготовительных работ на новом месте.

Конгресс не заставил себя долго ждать: в 1902 году подавляющим большинством голосов — 309 «за» и лишь 2 «против» — палата представителей проголосовала за выделение средств на строительство канала в Никарагуа. Проблем с получением концессий не было никаких: Никарагуа подписала все, что нужно, буквально за один день. Радостный Дядюшка Сэм ринулся было ковать свою давнюю мечту, но — куда там! Филипп Бюно-Варийа свой хлеб отработывал на совесть. К этому времени он уже больше года сидел в гостиничном номере 1162 и плел густую паутину. Оказалось — не напрасно: билль о строительстве канала в Никарагуа просуществовал всего несколько месяцев и скоро был отменен! Теми же конгрессменами. Как?! Очень просто: проверенным французским способом, разработанным Корнелиусом Герцем и реализованным бароном Жаком де Райнахом.

На этот раз роль де Райнаха, собственноручно распределявшего бакшиш промеж законодателей, исполнял выдающийся американский адвокат Уильям Нельсон Кромвелль. Любопытно, что перед встречей с Бюно Кромвелль и без того уже был сказочно богатым человеком. Так что остается лишь догадываться, сколько ему посулили денег и сулили ли вообще: скорее всего, Кромвеллю протянули руку дружбы, от которой адвокат не рискнул отказаться.

Бюно-Варийа ставил гениальную двухходовку, и Кромвеллю предстояло сыграть первый ход в этой партии — заставить конгресс отказаться от никарагуанского проекта и вернуться к рассмотрению Панамского перешейка в качестве единственной альтернативы. Как я уже сказал, Уильям Кромвелль с блеском оправдал возложенные на него надежды: пустив в ход свое завораживающее красноречие и подкрепив его еще более весомыми «зелеными котлетками», адвокат прогнул неподкупных законодателей в правильном направлении, и строительство никарагуанского канала было заблокировано.

Созрел момент для второго хода. Цель: продажа акций «Международной компании» правительству Соединенных Штатов Америки. С какой стати? А вот с какой.

После краха компании де Лессепса ее акции полностью обесценились. Потерявшие всякую надежду рядовые вкладчики скидывали бумаги практически за бесценок. В этот момент на сцене появилась не-

ведомая группа «международных финансистов», купила контрольный пакет французского банкрота, а затем передала активы в новую структуру — «Compagnie Nouvelle». Большинство участников группы навсегда остались в тени (скоро читатель узнает причину), засветились лишь единицы: Джесси Зелигман, Корнелиус Герц, Филипп Бюно-Варийа. Промелькнули на фоне легендарный банкир Джей Пи Морган, представлявший интересы дома Ротшильдов, и Пол Варбург, делегированный одноименной финансовой империей в Америку для создания Федеральной резервной системы.

Вопрос: зачем опытным воротилам понадобились акции компании, в активах которой числилась куча заржавевшего в тропических лесах металлолома, и теоре-

но и неслыханное по самоуверенной наглости. Каково же будет удивление читателя, когда он узнает, что все задуманное увенчалось триумфальным успехом! Впрочем, не будем забежать вперед и ломать лихо закрученную интригу.

После того, как адвокат Кромвелль уговорил конгрессменов отказаться от никарагуанского проекта, оставался лишь шаг для того, чтобы подтолкнуть Теодора Рузвельта к «правильному» решению. Кто сделал этот шаг и нашептал двадцать шестому президенту Америки об исключительной выгоде приобретения прав Compagnie Nouvelle — неизвестно. Зато известна аргументация: предыдущие переговоры с колумбийским правительством оказались бесперспективными ввиду принципиального расхождения государ-

Строительство Панамского канала обошлось американским налогоплательщикам в 375 миллионов долларов! Было извлечено 230 миллионов кубометров грунта.

тическое право на выкуп американской железной дороги? Вопрос, однако, риторический. Полагать, что «могучая кучка Бюно» приобрела акции «Международной компании» по недомыслию, — все равно, что усомниться в здравом смысле дельцов, скупивших на заре приватизации «пустые» ваучеры в нашем многострадальном Отечестве. И те и другие делали ставку на выигрышный пересмотр статуса ценных бумаг. Иными словами, скупщики акций компании де Лессепса и скупщики российских ваучеров либо надеялись, либо заранее знали о том, что через какое-то время бумаги перестанут быть пустыми и наполнятся самым настоящим и осязаемым зеленым содержанием.

«Выигрышный пересмотр статуса» в панамской афере заключался, как я уже сказал, в плане втюхать акции Compagnie Nouvelle самому Дядюшке Сэму! Прямо скажем, предприятие не просто дерзкое,

ственных интересов. Поэтому гораздо дальновидней совершить обходной маневр и выкупить акции Compagnie Nouvelle. Ерунда, что в активах компании сплошной металлолом, главное, она — правообладательница концессии на строительство канала, которую выдала Колумбия «Международной компании» Фердинана де Лессепса!

Тонко, не правда ли? Ах, как бы мне хотелось узнать: догадывалась ли «могучая кучка Бюно» в момент продажи акций американскому правительству, что вручает Дядюшке Сэму чистой воды липу, или тоже пребывала в невинном неведении? Что-то подсказывает мне: знала, ой, знала!

Кончилось все тем, что Соединенные Штаты Америки торжественно купили Compagnie Nouvelle за огромные деньги — 40 миллионов долларов! «Могучая кучка Бюно» даже позволила дурашливому Дядюшке поторговаться и существенно сбить первоначально запрошенную цену. В самом деле: чего уж там мелочиться? Ведь за акции «Международной компании» в свое время не заплатили и одного миллиона. Вот уж гешефт так гешефт.

В очередной раз осчастливленный Дядюшка Сэм побежал хвастаться полученной концессией к колумбийцам и тут же огреб ушат холодной воды. Оказалось, что концессию «Международной компании» Фердинана де Лессепса предоставляло государство по имени Соединенные Штаты Колумбии, а такого государства больше не существовало! После сумбурной гражданской войны в Колумбии на века закрепилась демократия (в тамошнем специфическом понимании, разумеется), а на свет появилось новое государство — Республика Колумбия, которое формально никаких обязательств перед «Международной компанией» не несло. Таким образом, концессию даже не нужно было аннулировать: Республика Колумбия ее просто не признавала. И теперь по всему выходило, что Америка купила у кучки аферистов за сорок миллионов долларов ноль без палочки, чистый воздух. Повторю свой вопрос: знали «международные финансисты» о юридической ничтожности своей концессии или не знали? При любом раскладе конфуз Дядюшки Сэма вышел грандиозным.

До такой степени грандиозным, что первым делом, получив доступ ко всем архивам и бухгалтерии «Международной компании» и Compagnie Nouvelle, американское правительство эти документы уничтожило. Облили бензином и сожгли — все до последней бумажки, дабы никто никогда не узнал имен обидчиков — всех этих пронырливых «международных финансистов».

Теперь ничего не оставалось, как возобновлять переговоры с ненавистой Боготой. Окрыленные колумбийцы, с трудом сдерживая смех, стали выламываться круче прежнего: поначалу сделали вид, что готовы на уступки, и даже обнадружили американцев, подписав предварительное соглашение. Однако колумбийский сенат тут же отказался его ратифицировать под формальным предлогом, что, мол, конституция запрещает отчуждение суверенитета над любой национальной территорией. Между тем на неофициальном уровне давалось понять, что дело окажется на мази, если Америка откажет еще каких-нибудь несчастных 10 миллионов долларов и перепишет договор, оговорив «совместный суверенитет» для зоны Панамского канала. Что означал этот «совместный суверенитет», сомневаться не приходилось: пожизненная доильная установка в мозолистых руках колумбийской демократии.

В это трудное для Америки время состоялась историческая встреча президента Соединенных Штатов Америки с никому не известным, совершенно непонятным, представляющим неведомо кого человеком по имени Филипп Бюно-Варийа. Только не спрашивайте, каким образом подобные встречи оказываются возможными: у меня нет ни малейшей догадки. Я лишь знаю, что Теодор Рузвельт принял

Бюно-Варийа в Белом доме 10 октября 1903 года.

Разговор начался с того, что американский президент выразил свое восхищение героической ролью Бюно-Варийа в деле спасения капитана Дрейфуса. Бюно высоко оценил желание собеседника идти в фарватере передовых идей, поэтому тут же с энтузиазмом вывернул разговор в нужное русло: «Господин президент, ведь Альфред Дрейфус — не единственная жертва политических страстей во Франции. Другой такой жертвой стала Панама». Во как ловко!

Далее Бюно принял глубокомысленный вид хорошо осведомленного человека и ни с того ни с сего выдал: «Уверен, что революция в Панаме неизбежна». Теодор Рузвельт чуть не свалился со стула: «Революция?! Неужели это возможно?»

Считается, что президент не дал Бюно никаких гарантий в том, что Соединенные Штаты окажут поддержку Панамской революции. Тем не менее, Филипп Бюно-Варийа покинул Овальный кабинет в приподнятом настроении: при любом раскладе Колумбии Дядюшка Сэм помогать не станет!

Голем

Бюно вернулся в легендарный гостиничный номер 1162 и с головой ушел в подготовку революции. Хотя, по большому счету, готовить было нечего: с Теодором Рузвельтом Бюно встречался 10 октября

Теодор Рузвельт фактически благословил окончание строительства канала под американским флагом, а заодно не возражал против маленькой революции на окраине Колумбийской империи.

1903 года, а революцию в Панаме сыграли уже 3 ноября. Из чего следует, что «международные финансисты» подсутились за благовременно.

Только не подумайте, что французский инженер сам бегал на баррикады! Для этого Бюно слепил голема по имени Мануэль Амадор Герреро, которому и доверил великую честь возглавить освободительное движение.

Амадор был колумбийским терапевтом и большую часть жизни скромно коротал на службе Панамской железной дороги: лечил стрелочников и машинистов от лихорадки и малярии. Местные товарищи глубоко уважали Амадора не столько за медицинские познания, сколько за принадлежность к старинной испанской фамилии, сильно выделявшей его визуально на фоне повсеместных негров, самбо, индейцев и метисов.

Доктору Амадору всегда было присуще стремление к светлому будущему: если уж не для всего народа, то хотя бы для собственной семьи. Поэтому, вопреки скромному жалованию, он поднакопил денег и отправил старшего сына Рауля обучаться медицине в Соединенные Штаты Америки. И не куда попало, а в Колумбийский университет.

Рауль был очень шустрым пареньком, чтобы не сказать больше. Окончив университет, он слегка послужил помощником хирурга в армии США, однако скоро комиссовался и осел в Нью-Йорке, где зажил полноценной жизнью, по крайней мере, в представлении идеального благородных кровей: сначала женился на одной очень богатой женщине, которая родила ему двоих сыновей, затем — на другой,

Мануэль Амадор Герреро оказался не более чем големом, слепленным для того, чтобы возглавить «освободительное движение».

еще более богатой (ребенок, правда, был только один). В лучших традициях католической веры Рауль Герреро решил ни с кем не разводиться, поэтому жил одновременно на оба дома. Одна его семья располагалась по адресу 216 West 112th Street в Нью-Йорке, другая — на 306 West 87th Street в том же городе.

И вот однажды судьба наисчастливейшим образом свела Рауля с другим коренным ньюйоркцем — Филиппом Бюно-Варийа. Все-таки удивительно, как в мире родственные души притягиваются друг к другу!

Бюно очень обрадовался, когда узнал, что его новый приятель родом из Панамы. И окончательно возликовал, когда Рауль поведал ему о своем добропорядочном батюшке-докторе, сражающемся с малярией в тех же болотах, где пятнадцать лет назад сам французский инженер руководил строительством канала. Бюно-Варийа даже зажмурился от счастья: вот она, идеальная кандидатура на должность вождя революции: местный (значит, не нужен адаптационный период для знакомства с аборигенами), белый (значит, вменяемый, и с ним можно будет договориться), доктор (значит, принадлежит к «мозгу нации» и правильно совмещает любовь к народу с личными меркантильными интересами).

Раулю идея Филиппа жутко понравилась. Он помчался в родные края, ввел отца в курс дела, провел с ним соответствующую воспитательную работу, а также договорился о «часе X», когда будущему вождю революции надлежало прибыть в Америку для окончательного инструктажа.

Тем временем Бюно-Варийа семимильными шагами двигался навстречу чаяниям «угнетенного панамского народа» (фраза из будущего официального заявления Белого дома в связи с революцион-

ными событиями в Панаме). Ради этой благородной цели он даже уединился на пару месяцев в роскошной летней усадьбе Джесси Зелигмана в Вестчестере, где с нуля набросал Панамскую декларацию независимости. Да что там Декларация: даже национальный флаг будущей Панамской республики нарисовал Бюно, а его супруга собственноручно сшила штандарт на той же усадьбе Джесси Зелигмана.

«Час X» пробили сразу после встречи Бюно с Теодором Рузвельтом. Получив отмашку, Рауль Герреро отбил отцу кодовую телеграмму: «Ваш сын при смерти. Срочно приезжайте». Под этим благородным предлогом Амадор и отбыл в мировую кузницу революций — город Нью-Йорк. Раньше пожилой доктор мало путешествовал, вернее — не путешествовал вообще, иностранными языками не владел, поэтому в помощь ему приставили переводчика — Герберта де Сола, видного деятеля панамской еврейской общины. В Нью-Йорке революционеры разместились в офисе Йошуа Линдо, сына еще одного достойного члена той же диаспоры.

Инструктаж доктора Амадора прошел в обстановке теплой дружбы и полного взаимопонимания. Филипп Бюно-Варийа объяснил вождю революции, что и как нужно делать, куда бежать, что захватывать, кому и сколько отстегивать. Дабы у Амадора не возникли сомнения в том, кто танцует девушку, Бюно заблаговременно сообщил, что после победы революции лично займет пост министра по сношениям с Соединенными Штатами Америки и проведет переговоры по строительству Панамского канала. Доктор Амадор лишь кивал с пониманием дела.

земля подлежала отторжению от Колумбии и превращению в независимую Республику Панама.

По возвращении на родину доктор Амадор собрал семерых близких приятелей (все они работали на Панамской железной дороге), отключив им из революционного мешка сколько не жалко, и заявил: «Будем восставать!» Каждому борцу за свободу было поручено рекрутировать как можно больше соратников.

Через четыре дня на тайную маёвку сошлось уже пятьдесят «хунтистов», готовых в любую минуту пролить кровь за новую родину. Однако случилась незадача: сразу несколько членов революционного костяка категорически воспротивились первоначальному плану ограничить революцию зоной канала: у одного камарада были интересы на севере территории, у другого — на юге, у третьего — на востоке. В результате доктору Амадору пришлось в рабочем порядке пересматривать план, одобренный Бюно-Варийа, и на свой страх и риск согласиться на отъем всей территории колумбийской провинции Панама. В оправдание Амадора скажем, что у него были веские основания для самовольства: камарады-раскольники ненавязчиво дали понять, что если их условия не будут приняты, кто-то, неровен час, возьмет да и предупредит власти о готовящемся безобразии. Как вы понимаете, колумбийские застенки в планы доктора Амадора не входили.

Накануне рокового дня — 3 ноября — доктора Амадора стали одолевать тревожные сомнения: когда-то он читал в книжках, что революции имеют особенность заканчиваться кровопролитием. Ну,

Официальное открытие канала состоялось 15 августа 1914 года.

Планировались фейерверки и красочные представления, однако все прошло едва заметно: в этот день немецкие войска оккупировали

Бельгию. В Европе полным ходом шла первая мировая ...

Отъем власти у колумбийских оккупантов наметили на 3 ноября 1903 года. В этот день в Соединенных Штатах проходили президентские выборы, поэтому новости о перевороте в колумбийской провинции не имели ни малейшего шанса пробиться в газеты и журналы. Доктору Амадору торжественно вручили Национальный флаг, Панамскую декларацию независимости и мешок с деньгами для повышения классового сознания рядовых революционеров и сочувствующих элементов из числа колумбийских чиновников.

Пронунсиаменто

Первоначально план революции предусматривал восстание на узкой полоске территории — аккурат вдоль не достроенного французами канала. Именно эта

а судьбы вождя вообще шокировали неприглядностью. Одолеть малодушие помогла Амадору супруга: «Мануэль, — сказала она. — Если ты провалишь мероприятие, тебя уволят с Панамской железной дороги! Что же мы будем кушать?»

Тем не менее, вождь революции решил подстраховаться: ранним утром 3 ноября он забежал к генеральному консулу Соединенных Штатов Америки и категорически заявил, что не будет делать революцию, если консул самолично не пойдет с ним рядом, причем не порожняком, а обязательно с американским флагом, по которому колумбийцы вряд ли решатся стрелять из пушек. Консул был в теме и имел инструкции из самого Белого дома, поэтому, скрепя сердце и жутко матерясь (про себя), быстро оделся, развернул зве-

здно-полосатый флаг и побрел с Амадором изгонять оккупантов.

Зрелище было феерическим: впереди шел Амадор под руку с американским консулом, за ними широким фронтом развернулась толпа борцов за свободу в количестве сорока человек (остальные десять проспали мероприятие). Со стороны оккупантов выдвинулся колумбийский гарнизон ровно в тысячу штыков. Как только генерал, командир гарнизона, увидел революционные массы, он тут же констатировал, что сопротивление бесполезно, вернул солдат в казармы и немедленно телеграфировал в Боготу о вынужденной капитуляции под натиском несоизмеримо превосходящих сил противника. Единственное, что генерал забыл сообщить в телеграмме, так это сумму, в которую Бюно-Варийа и Дядюшка Сэму обошлась его абберация зрения, — ровно 15 тысяч североамериканских долларов.

Наивное колумбийское правительство не поверило и срочно выслало подкрепление. По счастливому стечению обстоятельств, во главе вспомогательного отряда оказался не генерал, а всего лишь полковник, поэтому капитуляция его войск прошла менее болезненно — всего за 8 тысяч хрустящих купюр.

Увы, и на старуху бывает проруха: в порту Колона случайно на рейде оказался колумбийский военный корабль «Богота», неокученный капитан которого вовремя не разобрался в ситуации и, заметив беготню в центре города вокруг какого-то неведомого флага, сдуру дал залп прямо в революционную толпу. В результате состоялись две единственные жертвы панамской революции: китаец — рабочий прачечной, и осел.

Больше «Богота» не палила: стоящий по соседству американский боевой крейсер «Бостон» тут же развернул на колумбийское судно свою чудовищную восьмидюймовую пушку и передал сигнальными флажками: «Закрой немедленно пасть, или мы тебя выдеем из воды!»

Что ни говори, колумбийцы удивительно сообразительный народ! Капитан «Боготы» быстренько надел парадный костюм, высадился на берег и торжественно передал судно революционному вождю доктору Амадору, за что незамедлительно получил ответственный пост: Адмирала флота молодой республики.

Тем временем американский консул, как только отпала нужда прикрывать Амадора звездно-полосатым флагом, побежал в офис и отбил радостную телеграмму в Вашингтон о благополучном рождении еще одной демократии. Ответ пришел через десять минут: «Срочно сделайте официальное заявление о признании нового правительства». Первым своим декретом всенародно избранный Первый Президент Независимой Республики Панама назначил Филиппа Бюно-Варийа Чрезвы-

чайным послом и Уполномоченным министром по делам сношений с Соединенными Штатами Америки.

Уже через неделю Бюно заключил историческое соглашение с Джоном Хейем, госсекретарем США и близким корешом небезызвестного читателю адвоката Кромвелля. Говорят, когда президент Республики Панама доктор Амадор узнал из газет о том, что соглашение подписано без его участия, от обиды он упал в обморок.

Согласно «Договору Хейя-Бюно-Варийа», Республика Панама передавала Соединенным Штатам в «вечное пользование» территорию, расположенную на 10 миль севернее и южнее Панамского канала. В декабре 1903 года соглашение было ратифицировано панамским парламентом, а в феврале 1904 — американским конгрессом.

Вне себя от счастья Дядюшка Сэм щедрой рукой раздавал подарки: Республика Панама получила 10 миллионов долларов (из которых 3 миллиона Национальная Ассамблея тут же распределила между ведущими борцами за свободу). 50 тысяч доплатили героическому генералу за его абберацию зрения (это помимо 25 тысяч

однако с дипломатией пришлось попограться: должность Генерального Консула передали менее скандальному младшему брату Рауля!

Единственным обделенным и обдуренным участником нашего трагифарса оказалась... Колумбия! От фантазмагорического отторжения своей территории Богота не могла оправиться почти двадцать лет. Отныне вся ее внешняя политика сводилась к одному бесконечному стону о том, как вероломен американский империализм. Но правильно говорят: время лечит. А тут и Дядюшка Сэм проявил великодушные и отписал, наконец, в 1922 году Колумбии скромный грант в размере 25 миллионов долларов. Худо-бедно, обиды зарубцевалась.

А был ли мальчик?

Мы как-то упустили из виду центральное связующее звено всей нашей истории — сам Панамский канал. Оно и не мудрено — на фоне таких головокружительных махинаций и гешефтов.

Официальное открытие канала состоялось 15 августа 1914 года. К событию заблаговременно готовились, планировали

Единственным обделенным и обдуренным участником этого трагифарса оказалась Колумбия! От фантазмагорического отторжения своей территории Богота не могла оправиться почти двадцать лет.

аванса). Доктор Амадор пригласил 25 тысяч сразу после победы революции и еще 75 тысяч после подписания Договора о канале. Не забыли и о Рауле: его назначили Генеральным Консулом Республики Панама в Нью-Йорке. Наверняка Рауль дослужился бы и до Полномочного Посла, если бы не катастрофа, оборвавшая блестящую дипломатическую карьеру. Жена Рауля № 2 каким-то непонятным образом прознала о вопиющем безобразии (двоеженстве своего супруга) и подала в суд, требуя моральной компенсации в размере 100 тысяч долларов. Дело удалось утрясти,

фейерверки и красочные представления, однако все прошло едва заметно: в этот день немецкие войска оккупировали Бельгию и выдвинулись в сторону Парижа — в Европе полным ходом шла первая мировая война.

Строительство Панамского канала обошлось американским налогоплательщикам в 375 миллионов долларов! Было извлечено 230 миллионов кубометров грунта (для сравнения: французы перерошили только 28 миллионов).

В 1977 году закончился «вечный мандат» Филиппа Бюно-Варийа: американский президент Джими Картер и президент Панамы Омар Торрихос подписали договор, по которому Соединенные Штаты вернули канал Панаме 31 декабря 1999 года. ■